

К исследованию цивилизационных особенностей:
нациогенез, экспорт смыслов, резонансы
и прогресс

А.В. Шубин,
доктор исторических наук

Доклад вызывает приятные чувства — я тоже любитель туризма. Однако вынужден признать, что для понимания культуры народа туризма явно недостаточно, необходимо систематическое изучение предмета по письменным источникам.

У нас был и содоклад, причем о другом предмете. Дело в том, что слово «цивилизация» исторически приобрело два совершенно разных смысла. Нужно просто с этим смириться, это омонимы. Есть понятие цивилизации как неварварства, письменной культуры, а есть понятие цивилизации как путей народов, которое я обосновывал в прошлый раз.

Кроме научного подхода есть еще идеологический — понимание под цивилизацией то, что тебе нравится. В.М. Межуев говорил о том, что мы только идем к цивилизации, понимая под ней некое неварварство как утопию, как «истинную цивилизацию», как то, что ему нравится. Это — чисто идеологический подход. Отсюда противоречия Вадима Михайловича: с одной стороны, цивилизация возникла в Древней Греции, а с другой стороны, цивилизация еще не возникла, и мы до сих пор живем в варварстве. С этим связана и «историческая приблизительность» подобных рассуждений, когда после эпохи Перикла у нас идет Александр Македонский, что то же самое, как если бы после Николая II шла эпоха Ельцина, т. к. количество лет примерно такое же.

Я бы призвал избегать исторической приблизительности, потому что это все путает и, прежде всего, подрывает ваши собственные концепции. Скажем, представление о Средневековье как о варварстве — по сравнению с Античностью — из того же ряда мифов. В Европе XII в. человек был более защищен правом, чем в Римской империи. Это все та же приблизительность, когда мы пытаемся идеологические представления выдать за цивилизацию.

Я не против идеологии. Конечно, у нас с вами есть разные стратегии будущего, и мы имеем свое представление о том, что будет через 40 тыс. лет или лучше — через 100; мы обосновываем эти представления историческим материалом. Но вы очень рискуете, когда выстраиваете это обоснование из фрагментарных кусочков истории, между которыми огромное количество событий, свидетельствовавших часто об обратном.

Мое понимание цивилизации близко к тому, которое изложил С.С. Сулакшин. Только к этому понятию нужно относиться нейтрально. Действительно, есть признаки, на которые человек, взращенный в одной культуре, реагирует иначе, чем представитель другой культуры. Это, по-моему, очевидно, и не нужно с этим воевать. Позиция Тойнби была относительно взвешенной. Он считал, что есть общая история человечества, но она имеет разные потоки. Вопрос о количестве цивилизаций, культурных блоков может дискутироваться. Важнее договориться о критериях этого явления. Здесь есть параметры, которые можно исследовать объективно. Например, явление резонанса. Разные цивилизации, разные народы на одном и том же этапе общественного развития проходят одну и ту же стадию общественного развития совершенно по-разному. Вспомните знаменитую фразу: «что русскому хорошо, то немцу смерть». Разная результативность реформ Бисмарка и Столыпина — результат не только особенностей этих политиков, но и соответствие их реформ характеру народов. Германия с ними «резонирует».

вала», а Россия — «какофонировала». Так же Китай «резонировал» с финалом перехода от традиционного общества к индустриальному (в 1970–1990-е гг.). СССР проходил этот этап в 1950-е гг. не столь результативно, тяжелее для населения. Это можно объяснять разными причинами, но особенности социальной психологии китайцев также важны. Если мы исследуем эти «резонансы» и «какофонии», то сможем выстроить имеющиеся у нас пути развития народов в определенную, если хотите, систему Менделеева, рассортировав их в соответствии с «клеточками» стадий общественного развития, прогресса, понимаемого как движение от традиционного общества к индустриальному и далее.

Другой способ фиксации особенностей цивилизации — это этапы этногенеза и нациогенеза. Это две разные вещи. Сначала у вас возникают системообразующие мифы этноса, основы его культурной традиции. На ином этапе исторического развития, при переходе к индустриальному обществу возникает нация. При этом используются унаследованные от этногенеза первичные мифы. Эти мифы обычно однотипны, поэтому я не очень согласен, когда говорят, что японец и русский на одни и те же вопросы отвечают совсем по-разному. Как раз нюансы, иногда внешне незначительные, принципиально важны. Это нужно изучать тщательно, а не так, по наитию. Нужно различать особенности, которые связаны со стадией развития, и особенности развития народа на протяжении всей его истории. Несложно различать яркие национальные костюмы. А вот понять, что в голове у индуса, одетого в европейский костюм, гораздо сложнее.

Сказки разных народов поразительно похожи. Одни объясняют это бродящими сюжетами, другие тем, что в определенных психологических обстоятельствах люди ведут себя схожим образом. Это не заложенные в бессознательное древние архетипы, а скорее — психологические конструкции.

Мы можем находить маршруты распространения смыслов, сюжетов, мифов, экспорта культуры, коммуникации.

И это также позволяет объективно фиксировать культурные блоки, возникшие из одного очага. Скажем, корейская культура в значительной степени продукт экспорта китайской с последующими воздействиями японской и американской культур. Но несмотря на американский импульс, южный и северный корейцы воспринимают отношение к предкам практически одинаково. Когда мы все это типологизируем и раскладываем по полочкам, у нас получается карта культурных блоков и их особенностей.

Только важно не смешивать особенности, вызванные различием стадий развития и собственно цивилизационных путей. А то у нас сплошь и рядом принимают за «столкновение цивилизаций» столкновение эпох. Скажем, многие «особенности» развития современной тропической Африки можно найти и в Европе, но в прошлых веках. Соответственно, представители разных народов, находящиеся на близких стадиях развития, могут мыслить как соотечественники. На нашем семинаре Н. Нарочницкую спросили: «А в чем миссия русских?». «Население должно быть одетым, обутым, сытым, оно должно уважать традицию, размножаться», — последовал ответ. Затем я задал этот же вопрос китайцу, профессору Ши Цзе. Он отвечал мне практически так же, как Нарочницкая. Я не хочу сказать, что она права, и мы все должны с ней согласиться. Может, так — может, нет. Она — русская, он — китаец. А ответы у них одинаковые. Если посадить рядом профессора Ши Цзы и Нарочницкую, то, до определенного предела, они будут понимать друг друга так, как будто учились в одной школе. А в какой-то момент они упрутся, и понять друг друга будет очень тяжело. Нахождение этих пунктов непонимания — важная исследовательская задача. Работая в российско-литовской, российско-украинской, российско-немецкой комиссиях историков, занимаясь научным диалогом с китайцами, вы учитесь обходить эти блоки, чтобы делать более эффективным этот канал несилового решения конфликтов, который сейчас приобретает особую

важность. Мы видим, что военное взаимодействие народов нам не нравится. Торговое — тоже не для нас, историков, — не та профессия. Борьба смыслов и обмен осмысленным — вот наш удел.

Я как раз не очень верю в мировую бюрократию, я верю в мировую коммуникацию. Чиновники подписали Киотский протокол только потому и после того, как экологическое движение одержало победы в борьбе за общественное сознание. Смыслы, через которые мы можем воздействовать и сближать народы, прежде всего транслируются по каналам интеллектуалов, а не чиновников. В современном мире мыслители оказываются фактором колоссальной силы не только в идеологических войнах, но и в международных переговорах. В частности, могу сказать, что переговоры российских и литовских историков практически привели к тому, что достигнуто существенное сближение. Даже власти задумались, что им с этим делать. Авторитетные эксперты перестали обслуживать интересы идеологической войны.

Подводя итог, хочу сказать, что я, конечно, не верю, что у нас возникнет мировая цивилизация, основанная на ценностях вненациональной личности. Про 40 тыс. лет скажу, что тут будет либо пустыня, либо будет сидеть Бог. А в ближайшее время нам предстоит иметь дело с тем, с чем и сейчас — разные цивилизации будут переходить либо от традиционного общества к индустриальному, либо от индустриального общества к постиндустриальному, либо, увы, от индустриального общества назад, к традиционному. Последнее нами, людьми, выросшими в условиях индустриального общества, воспринимается как впадение в варварство. Сегодня борьба за цивилизацию (во всех смыслах этого слова) — это борьба за прогресс, против деградации и отката.

Реплика (С.С. Сулакишин):

Выборку, сравнивающую отношение к ценностям России и Китая, Вы сделали на двух примерах. На самом деле,

когда мы обрабатывали результаты мирового исследования, где десятки стран и сотни вопросов, то увидели совершенно определенно, что разные цивилизационные выборки показывают разные отношения к ценностям.

А.В. Шубин:

Если у вас для выступления имеется всего несколько минут, мудро привести сотню примеров. Но имейте в виду: чтобы сделать вывод о ценностях цивилизации, нельзя просто провести социологический опрос. Вы должны сравнивать данные на протяжении веков, а тогда подобные опросы не проводились.